

«Где есть порядок, есть и воля, которая хранит его»: философские мотивы в поэзии И.П. Пнина

© Д.В. Смирнов, А.А. Маслова

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Освещена специфика идейно-философского содержания творчества И.П. Пнина (1773–1805) — русского поэта, писателя, публициста эпохи Просвещения, занимающего важное место в рамках отечественной революционной традиции, идущей от А.Н. Радищева. Основу исследования составили философские аспекты лирики Пнина, уделено особое внимание его антропологическим и социально-философским воззрениям. Прослежена связь между религиозной позицией Пнина и его представлениями о свободе воли человека. Замечено, что философская позиция Пнина оказалась в известном смысле более гибкой и объемной, чем ориентированный на науку XVIII в. механистический материализм П.-А.-Т. Гольбаха и его единомышленников. Показано, что в творчестве Пнина представлена вся проблематика и гамма идей эпохи Просвещения, а его понимание особенностей этой эпохи во многом созвучно кантовскому ответу на вопрос, о том что такое просвещение».

Ключевые слова: *И.П. Пнин, А.Н. Радищев, И. Кант, П.-А.-Т. Гольбах, философия идей Просвещения, русская поэзия, деизм, французский материализм*

Творчество Ивана Петровича Пнина (1773–1805) — явление яркое и чрезвычайно многогранное. Внебрачный сын екатерининского вельможи фельдмаршала Н.В. Репнина вступил во взрослую жизнь на переломе эпох: кончина Екатерины и воцарение Павла, радикальная смена идейных приоритетов, политической повестки и ключевых фигур во власти — все это образует главный жизненный контекст и социальный фон весьма насыщенной, но столь же короткой творческой деятельности Ивана Петровича. Время расцвета его творчества — 90-е годы XVIII в., за которыми последует новая «смена вех» российской истории. Жизнь, состоявшаяся на двух изломах, отозвалась мощным душевным откликом на драматические реалии времени, откликом, выраженным в публицистике, переводах и поэтических произведениях, среди которых — оды, басни, послания, лирические стихотворения. В этом многожанровом творческом наследии сполна отразилась вся гамма жизненных впечатлений, чувств, прозрений, надежд, исканий российских интеллектуалов того времени. Неудивительно, что на уход Пнина — быстрый и безвременный — стихотворными строками, исполненными глубокой скорби и безусловного признания заслуг,

отозвались К. Батюшков, Н. Остолопов, С. Глинка, А. Писарев, Н. Радищев, А. Измайлов, а его творческое наследие стало предметом специальных исследований, относимых как к области литературоведения, так и к исторической науке.

В разные годы к исследованию творчества И.П. Пнина обращались А.А. Кизеветтер, А.Л. Бем, В.Н. Орлов, Ю.М. Лотман, М.Г. Альтшуллер, В.Я. Гросул и др. Разумеется, исследователи не обошли стороной философские аспекты мировоззрения Ивана Петровича. Эта тематика нашла отражение в работах З.А. Каменского, И.К. Луппола, В.Ф. Пустарнакова и др. Вместе с тем интерес к творчеству Пнина не угасает по сей день [1, 2], поскольку процесс становления российского либерального менталитета многомерен и наполнен драматическими коллизиями.

Прежде всего, Пнин — бескомпромиссный поборник Просвещения. Неслучайно его относят к числу мыслителей, наиболее близких по духу А.Н. Радищеву, заслуживающему в глазах Пнина высочайшей оценки как «отечества сын верный», что «смело правду говорил», как «пламенник ума», «что к счастью вел путем свободы» [3, с. 62]. Верность духу идей Радищева, который «столько жертвовал собою не для своих, но общих благ», является безусловным жизненным и творческим ориентиром Пнина. И если в публицистике он находит веские рациональные аргументы в защиту просвещения (что было совсем не просто после кровавых событий Великой французской революции), посвящая этому специальные сочинения, то в поэзии из-под его пера выходят не менее яркие и убедительные образы. Весьма показательна в этом отношении басня «Верховая лошадь» (1805). Герой басни — некто Клит — был «пристрастен к лошадям». Однако очередная купленная им лошадь, «как... ни статна, собой как ни красива», оказалась «весьма пуглива». Клит «сей порок весьма легко исправить чает» и велит крепче завязать лошади глаза, затем «садится на нее верхом» и «скачет близ всего, чего пугался конь до случая сего». Однако, не видя предметов перед собой, конь «в ров глубокий водяной с собою всадника с стремленьем вовлекает». Далее следует мораль: «О вы, правители скотов или людей! / Заметьте через опыт сей, / Что тот безумно поступает, / Кто нужный свет скрывает / От их очей; / Что скот или человек, когда лишены зренья, / Опаснее для управленья» [3, с. 99].

Интересно отметить, что приведенная аллегория в известном смысле перекликается с рассуждением великого Канта. В статье «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (1784) Кант характеризует эту эпоху как «выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине», определяя «несовершеннолетие» как «неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» ввиду недостатка решимости и мужества [4, с. 29]. Далее Кант рассуждал так: «То, что значительное

большинство людей... считает не только трудным, но и опасным переход к совершеннолетию, — это уже забота опекунов, столь любезно берущих на себя верховный надзор над этим большинством. После того как эти опекуны оглупили свой домашний скот и заботливо оберегли его от того, чтобы эти покорные существа осмелились сделать хоть один шаг без вожжей, на которых их водят, — после всего этого они указывают таким существам на грозящую им опасность, если они пытаются ходить самостоятельно... Наставления и предписания, — резюмирует Кант, — эти механические орудия применения разума или, вернее, злоупотребления его природными дарованиями — представляют собой кандалы постоянного несовершеннолетия. Даже тот, кто сбросил бы их, сделал бы лишь неуверенный прыжок через небольшую канаву. Вот почему лишь немногим удалось благодаря совершенствованию своего духа выбраться из состояния несовершеннолетия и сделать твердые шаги» [4, с. 29, 30].

Очевидно, что, используя почти одни и те же образы, философ и поэт по-разному расставляют смысловые акценты — при этом следует иметь в виду, что Пнин, в отличие от Канта, уже знаком с кровавым опытом революционных событий. Мораль его басни — явное тому свидетельство и чрезвычайно убедительный, ибо отнюдь не абстрактный, аргумент в пользу просвещения масс.

Пафос идеологии Просвещения — борьба за торжество разума. Кант полагает важнейшим фактором просвещения свободу «во всех случаях публично пользоваться собственным разумом» [4, с. 31], понимая под этим такое применение разума, «которое осуществляется кем-то как ученым перед всей читающей публикой» [4, с. 31].

Акцент именно на научную рациональность — одна из важнейших черт идеологии Просвещения. Как замечает П.П. Гайденко, в это время научное знание получает распространение вширь, в том числе «становясь предметом обсуждения среди литераторов, популярно излагающих последние достижения науки и философии» [5, с. 307]. Именно в таком ключе рассматривает литературное, в том числе поэтическое творчество Пнин: литература, согласно его взглядам, требует не только данного от природы «дара красноречия» и «искусства хорошо писать», но и глубоких знаний. Обращаясь к «некоторым писателям», он формулирует условие: «Если ум ваш изобилует теми знаниями глубокими, / Кои нужны для суждения о каком-либо творении...» Осуществление этого условия и мыслится залогом того, что литература служит «для пользы сограждан своих», «для пользы человечества» [3, с. 89]. Не менее показательным в этом контексте стремление утвердить величие человека через обращение к мышлению: «Хотя ты прах один возженный, / Ты мыслию велик своей!» [3, с. 65]. Сама наука с ее безусловными достижениями занимает в мировоззрении Пнина высочайшее место: «Измерил ты планет теченье, / Висящих

над твоей главой. / Исчислил звезды, что с эфира / Лиют свой свет в пространство мира, / В котором все закон твой чтит» [3, с. 67, 68] — восторженно восклицает автор, воспевая величие Человека через обретенные им знания. Неудивительно, что популяризация научного знания, прежде всего через ориентированную на науку философию, становится важнейшим аспектом просветительской деятельности Пнина.

Здесь уместно вспомнить, что ключевой фигурой в философии, стоящей у истоков Просвещения безусловно был Дж. Локк, друг Ньютона и автор знаменитого «Опыта о человеческом разуме». Именно Локк задал философскому мышлению, и прежде всего теории познания, параметры, соответствующие научным инициативам Ньютона и ставшие выражением всей научной парадигмы Нового времени. Далее благодаря посредничеству Вольтера и других французских просветителей — идеи Ньютона и Локка становятся популярны в континентальной Европе и проникают в Россию. И если среди французских мыслителей эпохи Просвещения наиболее последовательно материалистическая позиция ориентированной на науку философии была проведена Гольбахом в его «Системе природы», то российский читатель смог воспринять эти идеи именно благодаря переводческой и издательской деятельности Пнина. В 1798 г. в Санкт-Петербургском журнале издавались переводы произведений европейских мыслителей философского, экономического и социально-политического толка, в частности, «Опыты» П. Монтеня, сочинения «Максим» Ларошфуко, а также «Характеры» Ж. де Лабрюйера и др. Кроме того, главы из «Системы природы» и «Всеобщей морали» Гольбаха напечатаны во всех четырех частях «Санкт-Петербургского журнала» [6, с. 2, 3].

Вероятно, работа над текстом Гольбаха не могла не повлиять на собственное мировоззрение Пнина и не отразиться в его поэтическом творчестве. В оде «Бог» Пнин воспевает рациональное (в духе идеологии Просвещения) начало природы, ее закономерное бытие — то, что следовало бы назвать объективным порядком вещей, и использует явно вырывающийся за пределы поэтической образности оборот «система мира»: «Систему мира созерцая, / Дивлюсь строению ея... / Какую видишь ты премену / В системе мира? Возвести!...» [3, с. 75] — прямой аналог «Системы природы» Гольбаха. Вместе с тем очевидно, что Пнин не принимает утверждаемые Гольбахом материализм и безапелляционный научный атеизм. Как и Гольбах, Пнин отрицает объективную случайность: «И лъзя ль, чтобы хотя один / Родился случай без причин», однако не приходит к отождествлению причинности с необходимостью: «Где есть порядок, есть и воля, / Которая хранит его» [3, с. 75]. Таким образом, утверждается позиция деизма,

характерная для многих мыслителей эпохи Просвещения: Бог у Пнина — творец мироздания, источник и гарант объективного порядка вещей и человеческого разума: «Кто неизменный сей в природе / Порядок дивный учредил» [3, с. 75].

Следует вспомнить, что Ньютон также стоял на позиции деизма, отрицая самодвижение универсума ввиду его тварности и допуская вмешательство Бога, когда имеет место потеря энергии. Намек на это положение присутствует у Пнина: «Дивлюсь, как солнце, век сияя, / Не истощается, горя» [3, с. 75]. Позиции деизма придерживался Радищев, чьи взгляды были особенно значимы для Пнина. Показательно в этом смысле, что, задаваясь вопросом: «Но лъзя ли мне сей ум познать, / Что мог по воле мир создать», Пнин находит ответ в своих «чувствиях»: «Спросил я сердце — и решение / В своих я чувствах нашел» [3, с. 75]. В этих строках — явная отсылка к сочинению Радищева: «Итак, познание бога может проистекать из единья наша чувствительности, и познание сие есть ее упражнение; упражнение, ведущее к вершине земного блаженства, внутреннего удовольствия, добродетели» [7, с. 58].

Нетождественность причинности и необходимости и введение телеологического аргумента — важнейшие позиции, позволяющие избежать фатализма и его обязательного следствия — имморализма. Если в системе Гольбаха все сущее причинно обусловлено и в этом смысле предзаданным является всякое человеческое деяние, то свобода воли человека неизбежно становится сомнительной, фиктивной. Гольбах, проводя концепцию детерминизма, столкнется с данной проблемой, но будет пытаться отстоять «вменяемость» человека. У Пнина эта тема звучит особенно остро, определяя, по сути, всю гамму его социально-философских и этических воззрений, выраженных в поэтических строках. При этом важно, что, исключив фаталистический контекст, Пнин открывает предельно широкий антропологический горизонт и выходит к проблеме человеческой свободы. Так создается объемная панорама достижений «зидителя-человека», где рациональность мысли непосредственно воплощена в практической деятельности и зримо явлена в ее результате — преобразовании первозаданного мира.

Обращаясь к человеку, Пнин восклицает: «Ты все, как бог, устроишь, / Ты невозможностей не знаешь», и резюмирует: «Ты на земли, что в небе Бог!» [3, с. 69]. Артикуляция связи знания и практического деяния — одна из отличительных черт просвещенческого образа человека. Контекст созидательной деятельности становится здесь важнейшим аргументом против прежних уничижительных трактовок человека, которые искренне возмущают Пнина: «Какой ум слабый, униженный / Тебе дать имя чёрвя смел?» — вопрошает поэт и тут же

находит ответ: «То раб несчастный, заключенный, / Который чувствий не имел...» [3, с. 67] — именно он, «с червем подлинно равняюсь», «заблужденыя лишь сплетает», замыкая свою мысль в фигурах самоуничтожения. Не вызывает сомнений, что антитетика «Бог / зиждитель / устроитель — червь земной/раб» в поэзии Пнина выражает пафос просвещенческого истолкования человека. В этом смысле, безусловно, следует признать правоту Ю.М. Лотмана в его понимании общего характера и направленности аргументов поэта [8, с. 166, 167]. Но наиболее важно то, что Пнин, в отличие от материалистов эпохи Просвещения, следует по пути утверждения человеческой свободы, а не ее вынужденного отрицания — неизбежного логического следствия узко понятого детерминизма. Образ раба, которому «только то... священно», «к чему насильством принужденно бывает движим он всегда» [3, с. 67], и его антитеза — образ человека-творца, в своих творческих инспирациях равновеликого богу, — явные тому свидетельства.

Уход от фатализма — важный шаг Пнина в сторону обоснования вменяемости человека, его ответственности за существующий порядок общественной жизни. В уже рассмотренной оде «Бог» поэт пишет о значимости рационального начала мироздания и в то же время о его недостатке в человеческой жизни. В этом Пнин видит причину социальных пороков, изобличению и осуждению которых он посвящает множество поэтических строк, проникнутых горечью и гневом. Но важно то, что ответственность за эти пороки всецело возлагается на самого человека. Так, на людской «ропот» и «стенания» о несправедливости, царящей в обществе, творец дает ответ: «О человеки! вы виною / Терпимых между вами бед!» — и наставляет: «Где опыт, где рассудок здравый, / Что вас должны руководить? / Они покажут путь вам правый, / По коему должны идтить» [3, с. 78].

Недостаток рациональности — «неразумие» общественного устройства — пребывает в разительном контрасте с законосообразностью природы, устроенной творцом «системы мира»: в общественной жизни господствует «случай», причем таким образом, что «к добру случаёв мало, ко злу — премного их всегда», и «закон пред случаем молчит»; «стать выше случая не можно; уметь им пользоваться должно» [3, с. 70], — замечает поэт. Нетрудно увидеть, что «случай» здесь выступает поэтической метафорой жизненного мира эмпирического человека, действующего из собственных партикулярных стремлений, эгоистических склонностей и интересов.

Не менее заметна главная идейная установка — переустройство общества на началах законосообразности, т. е. на основе рациональных законов, как в самой этой «системе мира». «Верховенство закона», торжество «правосудия» в таком контексте представляются

Пнину как обретение гармонии с природой, как достижение соответствия человеческой жизни природному процессу с его объективной законосообразностью. При этом независимо от того, идет ли речь о законосообразности и необходимости природного процесса или о необходимости и законосообразности разумного и справедливого общественного устройства, где властвует закон и осуществляется правосудие, в любом случае эта законосообразность и необходимость мыслится как начало, противоположное случайности. Данный аспект в поэзии И.П. Пнина позволяет заметить в его творчестве важнейшую доминанту философского мышления эпохи Просвещения — расторгнутость-разъятость случайного и необходимого, отдельного/индивидуального и общего/родового. Обращаясь к Правосудию, поэт восклицает: «Ты, кое лиц не разбираешь, / Равно щадишь, равно караешь / Рабов, вельможей и царей», и наделяет его статусом общего, родового начала: «О Правосудие! Тобою / Хранится только смертных род» [3, с. 78].

Очевидно, что воспеваемые Пниным право и закон, перед которыми все равны, есть не что иное, как воплощение принципа всеобщности, а вождевленное для просветителей торжество разума, достижимое в переустройстве общества на началах законосообразности, есть победа «родового человека», «человека вообще» над человеком партикулярным, над индивидом, побуждаемым частным эгоистическим интересом. И наоборот: где царит неразумие, где господствует «случай», где попирается правосудие — там всеобщее, подлинно человеческое в человеке задавлено эгоистическими влечениями и страстями. В свете этого противопоставления проясняется антитеза человека-«зиждителя» и раба («Один — как солнце в небе ясном, / Другой — так мрачен, как земля. / Один есть все, другой ничтожность...») в уже рассмотренном стихотворении «Человек». Именно рабское сознание, неизбежно партикулярное, было способно не заметить в человеке собственно *человеческое* и уподобить его червю земному.

Из изложенного нетрудно понять, что верховенство закона и незыблемое правосудие есть то, благодаря чему индивид способен выступать как носитель «родового» начала, как человек вообще, т. е. как *подлинно* человек. Здесь, пожалуй, главный идейный стержень поэзии и, возможно, всей творческой деятельности Пнина. Переустройство общества на началах разума, на принципах законосообразности, верховенства закона и торжества правосудия мыслится им как достижение подлинной свободы — рациональной созидательной деятельности, в которой человек, постигая рациональное устройство «системы мира», созидает мир и себя как «человека вообще».

Подводя итог, следует отметить, что в поэтическом творчестве Пнина представлен широчайший спектр философских идей Просвещения. Вновь обращаясь к Канту — мыслителю, который, будучи

носителем идей Просвещения, осуществил и их критическую рефлексию, необходимо отметить, что разъятость индивидуального и всеобщего, свойственная просветительскому менталитету, именно у Канта обретет свой законченный вид как различение эмпирической и трансцендентальной субъективности. Полагая фактором просвещения свободу «во всех случаях публично пользоваться собственным разумом», Кант отличает «публичное» пользование разумом от «частного» пользования и связывает, по сути, публичное пользование разумом с теоретической деятельностью, с наукой. Это различие есть не что иное, как спецификация различения трансцендентального и эмпирического начал. Здесь отчетливо проступают черты собственно критической философии с ее вниманием к трансцендентальной субъективности и далее — к утверждению примата практического разума и обоснованию нравственного закона. Смысловой горизонт контроверзы публичного/частного или общего/отдельного, трансцендентального/эмпирического есть важнейший (хоть и не единственный) идейный контекст просвещенческой мысли, в который, безусловно, вписаны мировоззренческие искания Ивана Петровича Пнина.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Коршунова Н.В. Пнин Иван Петрович. В кн.: Шелохаев В.В., ред. *Российский либерализм середины XVIII — начала XX века*. Москва, РОССПЭН, 2010, с. 728–731.
- [2] Иванова А.А. «Опыт о просвещении относительно к России» И.П. Пнина в эпицентре столкновений власти и общества на заре XIX столетия. *ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы*, 2019, № 3, с. 28–37.
- [3] Пнин И.П. *Сочинения*. Москва, Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934, 312 с.
- [4] Кант И. *Сочинения*. В 8 т. Т. 8. Москва, ЧОРО, 1994, 717 с.
- [5] Гайденко П.П. *История новоевропейской философии в ее связи с наукой*. Москва, ПЕР СЭ; Санкт-Петербург, Университетская книга, 2000, 455 с.
- [6] Маслова А.А., Смирнов Д.В. Французский материализм и просветительство в восприятии российской интеллектуальной элиты рубежа XVIII–XIX вв. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 2. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-2-894>
- [7] Радищев А.Н. *Полное собрание сочинений*. В 2 т. Т. 2. Москва, Ленинград, Изд-во Академии наук СССР, 1941, 429 с.
- [8] Лотман Ю.М. С кем же полемизировал Пнин в оде «Человек»? *Русская литература*, 1964, № 2, с. 166, 167.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Смирнов Д.В., Маслова А.А. «Где есть порядок, есть и воля, которая хранит его»: философские мотивы в поэзии И.П. Пнина. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 2. EDN RBPSXS

«Где есть порядок, есть и воля, которая хранит его»: философские мотивы...

Смирнов Дмитрий Владимирович — канд. филос. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: dsmirnov@bmstu.ru

Маслова Анна Александровна — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: maslova_aa@bmstu.ru

“Where there is order, there is a will that preserves it”: philosophical motifs in I.P. Pnin’s poetry

© D.V. Smirnov, A.A. Maslova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper highlights features of the ideological and philosophical content in the works by I.P. Pnin (1773–1805), a Russian poet, writer, and publicist of the Enlightenment. He occupies an important position within the framework of the Russian revolutionary tradition, which goes back to A.N. Radishchev. The research is based on the philosophical aspects of Pnin's lyrics, special attention is paid to his anthropological and socio-philosophical views. The paper traces connection between Pnin's religious position and his ideas about the human free will. It notes that Pnin's philosophical position turned out to be, in a certain sense, more flexible and voluminous than the mechanistic materialism of P.-A.-T. Holbach and his associates. It was oriented towards science of the 18th century. The paper shows that Pnin's works represent the entire range of problems and ideas of the Enlightenment, and his understanding of characteristics of that era is in many ways consonant with the Kant's answer to the question “what is the enlightenment”.

Keywords: I.P. Pnin, A.N. Radishchev, I. Kant, P.-A.-T. Holbach, philosophy of the Enlightenment ideas, Russian poetry, deism, French materialism

REFERENCES

- [1] Korshunova N.V. Pnin Ivan Petrovich [Pnin Ivan Petrovich]. In: Shelokhaev V.V., ed. *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII — nachala XX veka* [Russian liberalism in the middle of the XVIII – beginning of the XX centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 728–731.
- [2] Ivanova A.A. “Opyt o prosveshchenii otnositelno k Rossii” I.P. Pnina v epitsentre stolknoveniy vlasti i obshchestva na zare XIX stoletiya [I.P. Pnin's work “An Essay on Enlightenment with reference to Russia” as the epicenter of confrontation between government and society at the dawn of the XIX century]. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly — Locus: People, Society, Cultures, Meaning*, 2019, no. 3, pp. 28–37.
- [3] Pnin I.P. *Sochineniya* [Collection of works]. Moscow, Vsesoyuznogo Obshchestva Politkatorzhan i Ssylno-poselentsev Publ., 1934, 312 p.
- [4] Kant I. *Sochineniya* [Collection of works]. In 8 vol. Vol. 8. Moscow, ChORO Publ., 1994, 717 p.
- [5] Gaydenko P.P. *Istoriya novoevropeyskoy filosofii v ee svyazi s naukoj* [History of the Modern European philosophy in its connection with science]. Moscow, PER SE Publ.; St. Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 2000, 455 p.
- [6] Maslova A.A., Smirnov D.V. Frantsuzskiy materializm i prosvetitelstvo v vospriyatii rossiyskoy intellektualnoy elity rubezha XVIII–XIX vekov. [French materialism and Enlightenment in perception by the Russian intellectual elite at the turn of the XVIII-XIX centuries]. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2024, iss. 2. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2024-2-894>
- [7] Radishev A.N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collection of works]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1941, 429 p.

- [8] Lotman Yu.M. S kem zhe polemiziroval Pnin v ode "Chelovek"? [With whom did Pnin polemicize in the ode "Man"?]. *Russkaya literatura — Russian Literature*, 1964, no. 2, pp. 166–167.

Smirnov D.V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: dsmirnov@bmstu.ru

Maslova A.A., Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: maslova_aa@bmstu.ru